

flipbook ↙

Трейси Шевалье

Девушка с жемчужной сережкой

ЭКМО
МОСКВА
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Ш 37

Tracy Chevalier

GIRL WITH A PEARL EARRING

Copyright © Tracy Chevalier, 1999

This edition published by arrangement
with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC

Разработка серии *С. Груздева*

В оформлении обложки использована репродукция картины
«Девушка с жемчужной сережкой» (ок. 1665) художника *Яна Вермеера*

Шевалье Т.

Ш 37 Девушка с жемчужной сережкой / Трейси Шевалье ; [пер. с англ. Р. Бобровой]. — М. : Эксмо, 2014. — 432 с. — (Флипбук).

ISBN 978-5-699-56864-2

История одного портрета. История одного художника. История одной любви. История, которая могла произойти — а может быть, и произошла — в старом доме на одной из живописных улочек голландского города Делфта в далеком семнадцатом веке...

УДК 82(1-87)

ББК 84(4Вел)

© Боброва Р., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление.

000 «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-56864-2

Посвящается моему отцу

Матушка не сказала мне, что они придут. Потом объяснила: она не хотела, чтобы я заранее нервничала. Это меня удивило — я-то думала, она хорошо меня знает. Посторонние никогда не замечают, что я нервничаю. Я никогда не плачу. Только матушка заметит, что у меня напряглись скулы и расширились и без того большие глаза.

Я резала на кухне овощи, когда услышала на пороге голоса: женский, блестящий, как отполированная дверная ручка, и мужской, низкий и темный, как стол, за которым я работала. Такие голоса редко

звучали в нашем доме. Они наводили на мысль о богатых коврах, книгах, драгоценностях и мехах.

И я порадовалась, что утром как следует вымыла крыльцо.

Потом из комнаты раздался матушкин голос — он наводил на мысль лишь о кастрюлях и сковородках. Они идут на кухню. Я отодвинула накрошенный сельдерей, положила нож на стол, вытерла о фартук руки и сжала губы. В дверях появилась матушка, остерегая меня взглядом, за ней появилась женщина, которой пришлось наклонить голову, чтобы не удариться о притолоку, — она была очень высокая, выше следовавшего за ней мужчины.

У нас в семье все низкорослые, даже отец и брат.

У женщины был такой вид, словно на улице сильный ветер, хотя на самом деле день выдался тихий. Ее шляпка съехала набок, и на лоб выбивались белокурые локоны, которые она несколько раз нетерпеливо откинула рукой, словно отгоняя пчел. Ее воротник тоже сидел косо и к тому же был не первой свежести. Она скинула с плеч

серую накидку, и я увидела, что под синим платьем сильно выдается живот. Скоро — может быть, до конца года — у нее будет ребенок.

Лицо женщины напоминало небольшой овальный поднос, который то тускнел, то отливал серебром. Карие глаза — редкость у блондинок — поблескивали, как коричневые пуговицы. Она делала вид, что внимательно меня разглядывает, но поминутно отвлекалась и рыскала глазами по комнате.

— Значит, это и есть та девушка, — отрывисто сказала она.

— Это моя дочь Грета, — ответила матушка.

Я почтительно поклонилась гостям.

— Что-то она росточком не вышла. Она сможет делать тяжелую работу?

Женщина резко повернулась к мужчине и зацепила краем накидки нож, который лежал на столе. Нож упал на пол и завертелся волчком.

Женщина вскрикнула.

— Катарина, — спокойно сказал мужчина. Он произнес ее имя так,

что от него словно пахнуло корицей.

Женщина сделала усилие и овладела собой. Я шагнула вперед, подняла нож, вытерла его краем фартука и положила обратно на стол. Нож задел нарезанные овощи. Я подвинула кусочек морковки на место.

Мужчина наблюдал за мной серыми, как море, глазами. У него было продолговатое, резко очерченное лицо, его выражение было ровным и спокойным — в отличие от жены, у которой оно металось, как пламя свечи на сквозняке. У мужчины не было ни бороды, ни усов, и это мне понравилось: я люблю чисто выбритые лица. На плечах у него был темный плащ, из-под него виднелась белая рубашка с воротником из дорогого кружева. Шляпа плотно сидела на волосах цвета омытого дождем кирпича.

— Что ты делала, Грета? — спросил он.

Меня удивил его вопрос, но я не подала виду.

— Резала овощи для супа, сударь.

Я всегда выкладывала кучки нарезанных овощей кольцом, словно слои в пироге. Всего было пять кучек — красная капуста, лук, сельдерей, морковь и репа. Я подровняла ножом край кольца и положила в центр кружочек моркови.

Мужчина постучал пальцем по столу.

— Они выложены в той последовательности, как пойдут в суп? — спросил он, разглядывая мой круг.

Я помедлила, не зная, как объяснить порядок овощей. Я просто выкладывала их так, как мне казалось правильным, но не посмела растолковывать это богатому господину.

— Я вижу, что две белые кучки лежат отдельно друг от друга, — сказал он, показывая на репу и лук. — А оранжевый и лиловый цвета плохо сочетаются. Как ты думаешь — почему?

Он взял пальцами кусочек моркови и полоску капусты и потряс их в сложенных ладонях, как игральные кости.

Я взглянула на матушку, которая незаметно мне кивнула.

— Эти два цвета режут глаз, когда они рядом, сударь.

Мужчина поднял брови. Казалось, он не ожидал такого ответа.

— И много у тебя уходит времени на то, чтобы выложить овощи, прежде чем бросить их в суп?

— О нет, сударь! — воскликнула я, опасаясь, что он решит, будто я придумываю себе развлечения вместо того, чтобы работать.

Уголком глаза я заметила какое-то движение. Моя сестра Агнеса выглянула из-за двери и покачала головой, услышав мои слова. Она знала, что мне несвойственно лгать. Я опустила глаза.

Мужчина повернул голову, и Агнеса исчезла. Он положил назад кусочки моркови и капусты. Полоска капусты зацепила кружок лука. Мне хотелось протянуть руку и отодвинуть ее на место. Я этого не сделала, но он знал, что мне этого хочется. Он меня испытывал.

— Ну, хватит попусту болтать, — объявила женщина. Хотя сердилась она на него — за то, что он уделил мне слишком много внимания, — ее хмурый взгляд был направлен на меня. — Значит, с завтрашнего дня.

Она метнула взгляд на мужчину, резко повернулась и вышла из кухни. Матушка поспешила за ней.

Мужчина еще раз поглядел на то, что должно было превратиться в суп, кивнул мне и последовал за ними. Когда матушка вернулась, я сидела рядом с выложенными колесом овощами. Я молчала, ожидая, чтобы она заговорила первой. Она ежилась, как будто от холода, хотя стояло лето и на кухне было тепло.

— С завтрашнего дня ты начнешь работать у них служанкой. Если будешь справляться с работой, тебе будут платить восемь стюверов в день. Жить будешь у них в доме.

Я поджала губы.

— Не смотри так на меня, Грета, — сказала матушка. — Что делать — отец ведь ничего не зарабатывает.

— А где они живут?

— На Ауде Лангендейк.

— В квартале папистов? Они что, католики?

— Тебя будут отпускать домой на воскресенье. Они на это согласились.

Матушка взяла пригоршню репы, прихватив при этом немного капусты и лука, и бросила их в кипевшую на огне кастрюлю. Старательно выложенные мной овощи смешались в кучу.

* * *

Я поднялась по лестнице к отцу. Он сидел перед окном чердачной комнаты, подставив лицо солнцу. Его глаза уже не различали ничего, кроме солнечного света.

Раньше отец был художником по изразцам, и с его пальцев до сих пор не отмылась въевшаяся в них синева. Синей краской на белых плитках он рисовал купидонов, девушек, солдат, корабли, детей, рыб и животных... Потом глазуровал и обжигал плитки, и они шли на продажу. Но однажды печь для обжига взорвалась и лишила отца и зрения, и средств к существованию. И ему еще повезло — два человека от взрыва погибли.

Я села рядом с отцом и взяла его за руку.

— Знаю-знаю, — сказал он, прежде чем я успела раскрыть рот. — Я все слышал.

Потеря зрения обострила его слух. Мне не приходило в голову слов, в которых не звучал бы упрек.

— Прости меня, Грета. Мне хотелось бы обеспечить тебе лучшую жизнь. — Ямы, где раньше были глаза отца и где доктор сшил ему веки, были исполнены печали. — Но он добрый человек. Он будет с тобой хорошо обращаться.

Про женщину он ничего не сказал.

— Откуда ты это знаешь, отец? Ты с ним знаком?

— А ты разве не узнала его?

— Нет.

— Помнишь картину, которую мы несколько лет назад видели в ратуше? Ее купил Ван Рейвен и выставил на всеобщее обозрение. Это был вид Делфта со стороны Роттердамских и Схиддамских ворот. Помнишь,

там было огромное небо, которое занимало большую часть картины, а на некоторых домах сверкали отблески солнца?

— И художник добавил в краски песок, чтобы кирпичи и крыши казались шероховатыми, — подхватила я. — А на воде лежали длинные тени. И на берегу он нарисовал несколько крошечных человечков.

— Правильно.

Выражение его лица было такое, словно у отца все еще были глаза и он опять глядел на картину.

Я хорошо ее помнила. Помнила, как подумала, что стояла на этом месте столько раз и никогда не видела Делфт таким, каким его нарисовал художник.

— Так этот человек был Ван Рейвен?

— Патрон? — Отец усмехнулся. — Нет, детка, это был не Ван Рейвен. Это был художник — Вермеер. Йоханнис Вермеер с женой. Ты будешь убирать его мастерскую.